БЛИЖНИЙ ВОСТОК 17.12.2019 | Федор Лукьянов

Ни один путь не ведет мимо Москвы

Самый влиятельный игрок на Ближнем Востоке, завоевавший международный авторитет – Россия позитивно оценивает свое присутствие в Сирии

Эта статья также доступна на немецком языке

Сирийская операция российских вооруженных сил, начатая в 2015 году, стала для большинства комментаторов неожиданностью и изначально была воспринята с опасением. Звучали сравнения с афганской кампанией СССР и иракской США, а также рассуждения о том, что отсутствует понимание финальной задачи и, главное, exit strategy. Особую нервозность вызывал риск столкновения (случайного, но с необратимыми последствиями) с вооруженными силами других крупных военных держав, действовавших в регионе – Соединенных Штатов и Турции.

Результаты четыре с лишним года спустя тоже достаточно неожиданные. Допустим, кардинальное изменение ситуации в Сирии еще можно было предвидеть, все-таки вмешалась одна из крупнейших военных держав мира. Но едва ли кто-то представлял, что Россия станет рассматриваться как главный внешний игрок на всем Ближнем Востоке, как держава, от которой зависит баланс сил и направление дальнейшего развития. Почему так получилось и что из этого следует?

Вопрос, который чаще всего задают по поводу российской операции: какова стратегия Москвы в Сирии и какова ее окончательная цель?

В отличие от ряда других российских внешнеполитических начинаний, где поведение имело признаки импульсивности, сирийский сюжет линеен. С самого начала кризиса в Сирии российская дипломатия заявила курс на поддержку правительства Башара Асада и удержание его у власти. Эта позиция основывалась не только и не столько на давних отношениях, которые связывали Дамаск и Москву, сколько на базовом убеждении: восстановление стабильности региона возможно только путем укрепления существующих режимов, а не их смены. Смена режимов, как показал

опыт Ирака, Ливии, Египта, ведет к нарастанию хаоса. Российская позиция была катализирована событиями в Ливии, где Москва не стала препятствовать внешнему вмешательству, и итог оказался сокрушительным даже с точки зрения символических визуальных образов (показанное всему миру зверское убийство Каддафи).

С тех пор задача России не менялась – укрепление режима и восстановление его контроля над максимально возможной территорией Сирии в ее международно признанных границах После этого Россия полностью встала на сторону Асада сначала политико-дипломатическими, а потом и военными способами. Вооруженная интервенция понадобилась тогда, когда стало понятно, что без нее Дамаск может пасть.

С тех пор задача не менялась – укрепление режима и восстановление его контроля над максимально возможной территорией Сирии в ее международно признанных границах

Решая эту задачу, Россия продемонстрировала способность очень умело использовать различные инструменты – военные, военно-политические, дипломатические, культурно-информационные. Надо признать, что гибкость, которую проявляла и проявляет Москва, реализуя свою линию в Сирии, нетипична для российской внешнеполитической практики. Отчасти это связано с большим количеством игроков, от которых зависит достижение результата. Их интересы либо не совпадают вовсе, либо совпадают лишь по отдельным аспектам. Это осложняет выстраивание последовательного курса, но в то же время постоянно создает ситуативные возможности. Этим Москва умело пользуется, ухитряясь поддерживать рабочие отношения со всеми без исключения значимыми силами.

Уникальным стал так называемый астанинский треугольник – постоянно действующий формат обсуждения ситуации в Сирии с участием России, Турции и Ирана. Уникальность его заключается в том, что три участника, во-первых, имеют в Сирии если не противоположные, то очень разные интересы, во-вторых, уровень доверия между «сторонами» треугольника, мягко говоря, оставляет желать лучшего. Именно поэтому, когда переговоры начинались в январе 2017 года, большинство комментаторов полагали, что долго эта конфигурация не продержится. Однако прошло почти три года, участникам удается преодолевать острые кризисы и сохранять

взаимодействие. Основа этой устойчивости, как уже сказано, – не совпадение интересов или взаимная симпатия, а жестко прагматическое понимание: ни один из трех участников переговоров не сможет добиться реализации своих целей в Сирии без содействия или хотя бы нейтралитета двух других. Оказывается, что это вполне эффективная база для кооперации.

Сирийские успехи России отчасти связаны с тем, что остальные внешние игроки так и не смогли предложить хоть какую-то последовательную линию

Отношения России и Турции в этом контексте особенно интересны. Исторически они полны острых противоречий, а перед взаимодействием по Сирии стороны стояли на грани войны (после инцидента осенью 2015 года, когда турецкие военные сбили российский самолет). Но здравый смысл и необходимость решать вопросы совместной значимости взяли верх, и сейчас Турция и Россия работают тесно и постоянно. Понятно, что у президента Эрдогана есть своя крайне важная для него тактика построения отношений с Вашингтоном. Он ведет весьма рискованную игру с Трампом, демонстрируя высокую степень независимости. А для этой самой демонстрации использует отношения с Россией, в том числе и военно-технические. Анкара не заинтересована в разрыве с Вашингтоном, но хотела бы качественно изменить характер отношений в сторону гораздо большей свободы маневра. В Москве это хорошо понимают, так что взаимодействие с Турцией – предельно деловое и прагматическое, без стратегических ожиданий. Тем не менее, начавшись с вынужденного сотрудничества, отношения продвинулись довольно далеко. Причина – откровенность в том, чего стороны хотят достичь и на что ради этого готовы пойти. Без сантиментов и идеологии.

Сирийские успехи России отчасти связаны с тем, что остальные внешние игроки так и не смогли предложить хоть какую-то последовательную линию. Политика Соединенных Штатов стала терять внятные очертания задолго до Трампа, чего в Сирии хотела добиться администрация Барака Обамы, было непонятно с самого начала. При Трампе как раз эта линия стала более ясной – разгром

ИГИЛ и все, других интересов нет. Неспособность США сформулировать целеполагание (на первом этапе) и нежелание осуществлять серьезные вложения (в дальнейшем) создали вакуум действия, который заполнили другие игроки, прежде всего Россия. Европейский союз практически не участвует в сирийской, да и всей ближневосточной коллизии. Оказалось, что у ЕС просто нет инструментов эффективного воздействия на ситуацию, поскольку она довольно рано перешла в классическую военно-политическую фазу, а это совсем не та сфера, в которой Евросоюз силен. Сейчас в Европе возлагают надежду на этап постконфликтного урегулирования, когда востребуется то, что есть в Старом Свете – деньги на восстановление. Это может отчасти вернуть Европу в сирийский сюжет, хотя вопрос скорее средне- или даже долгосрочный.

За четыре года военной операции Россия, действительно, превратилась в наиболее влиятельного регионального игрока, без согласия и участия которого там практически ничего сделать невозможно

Что же касается региональных игроков, то развитие событий показало: влияние обретают те, кто готов идти на серьезные риски и действовать резко, попытки обойтись участием «чужими руками» не срабатывают. Потому Турция, Иран и Россия обладают куда большими возможностями, чем, например, Саудовская Аравия. Хотя изначально степень воздействия Эр-Рияда на «арабскую весну» была значительной, обильная финансовая поддержка определенных групп была способна раскачать ситуацию.

За четыре года военной операции Россия, действительно, превратилась в наиболее влиятельного регионального игрока, без согласия и участия которого там практически ничего сделать невозможно. Это не означает способности урегулировать конфликт, но дает максимальные по сравнению с другими возможности влияния на этот процесс. При этом ожидания некоторых ближневосточных акторов, что Россия теперь либо заменит

Соединенные Штаты в роли основного патрона, либо постарается, по крайней мере, вернуться к статусу СССР, не имеют оснований. И дело даже не в том, что у России нет для этого достаточных ресурсов либо амбиций. Сама по себе модель региональной политики прошлого века, продлившаяся на какое-то время в нынешнем столетии, при которой подразумевалось наличие могущественных или могущественного внешнего патрона, уходит в прошлое. Управлять регионами теперь невозможно, это показывает опыт всех частей мира от Восточной Азии до Латинской Америки, и тем более Ближнего Востока. Зато во многих местах свободна ниша балансира, способного регулировать уровень напряженности и смягчать противоречия разных участников местной политики.

В этом качестве Россия, безусловно, набрала очки. Российские возможности на Ближнем Востоке заметно повысили статус страны в международной иерархии – это, говоря рыночным языком, ценный актив в процессе глобального взаимодействия. Стоит напомнить, что к моменту начала сирийской военной операции осенью 2015 года западные страны намеренно ограничили пространство диалога с Россией только минским процессом и украинским кризисом, стремясь тем самым оказать на Москву давление. Сейчас ситуация кардинально изменилась, во многом благодаря активности на Ближнем Востоке. Понятно, что цель России – закрепить свои стратегические позиции в Сирии, сделав свои базы там опорными пунктами в Средиземноморье. Это, однако, вопрос не контроля над регионом, а позиций в широком международном смысле.

Сирийская операция не стала большой внутренней темой российской политики. Конечно, на первом этапе, когда российская армия неожиданно для многих показала весьма впечатляющие возможности, это произвело благоприятное впечатление на общественное мнение. Между тем Сирия никогда не достигала в информационном поле накала Украины, а со временем превратилась в подобие рутины, не вызывающей острых эмоций ни в ту, ни в другую сторону. Что же касается специалистов, то они, как и прежде, отдают себе отчет в том, что сирийская операция, несмотря на успехи Москвы, остается крайне сложной и рискованной, она требует постоянной кропотливой работы на всех уровнях, и до решения проблемы еще далеко.

Федор Лукьянов
Москва

Федор Лукьянов (Fyodor Lukyanov) - главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике.

1 LESERBRIEFE

Расим schrieb am 24.12.2019

Россия - мировая держава? Самый влиятельный игрок на Ближнем Востоке? да она без разрешения Турции и пукнуть не смеет в Сирии:) если что турки живо поставят зарвавшегося Пу на место, как в 2015 году с самолетом. Война в Сирии не что иное как война за транспорт газа и пока Россия проигрывает по всем фронтам.и усиления базы в Тартусе ничего не изменит. снабжение базы с легкостью перекрывается Турцией в любой момент.